100 суток в ШИЗО. Свидетельство брата Михаила Ивановича Хорева. 1983-1984 годы

У туалета был такой бетонный барьерчик, немножко выступавший от пола. И на этот барьерчик можно было сесть на бетон. Но чтобы не сидеть на голом бетоне, я боялся, потому что можно застудиться. Я снимал один тапочек свой, резиновую подошву. Это было у меня вместо сиденья. А ноги клал на вторую подошву. А ноги у меня были в носках. Были у меня две пары носков. Одни сняли с меня теплые, а одни оставили, которые простая пара. Но чтобы не замерзали ноги, конечно, приходилось всё время их держать в руках, всё время тереть, массажировать и так далее. Но всё-таки уже посидеть можно.

Там были и тумбы, куда укладываются нары, на эти тумбы. Но тумбы эти были бетонные, и я на них не садился, потому что дважды я падал с них. То есть сяду на эту бетонную тумбу, сниму свою подошву, тапочек свой, и постелю, сяду, и когда сажусь, то засыпаю сразу же. Ну, 10 суток не спать. Организм же требует своё, падаю на эти угольники. Иногда и разбиваешься, иногда ушибаешься, хотя однажды, помню, стоял посредине камеры и задумался и упал. Был я один в камере, упал и заснул. Проснулся я уже, видимо уже от холода, но вполне светлая голова уже все-таки выспался немножко, хотя и ребра болели, и локоть болел, и еще где-то болело, даже не мог понять, почему болит. А понимание-то есть, почему болит. Видимо, упал на эти угольники, но никакой поломки не было, ни повреждения не было. Синяки были, но не настолько, чтобы повредился организм.

Так с утра до вечера, из вечера до утра там проходит жизнь. чем тяжелее в этой "африканке", чем в обычной камере, что негде поспать ночью. А когда не поспишь, пожалуй, это самое тяжелое. Я не испытывал нужды в пище, не испытывал голода. Не потому что сытно кормили, а просто как-то не было такой мне особой потребности. Вот спать мне всегда хотелось, сильно уставал. А кушать я как-то воспринимал эту скудную пищу спокойно, и мне даже хватало. Когда был какой-то молоденький напарник, я даже часть пайки отламывал и отдавал, потому что видел, как молодому организму это так необходимо, но что я не мог отдать, так это грамм 300 давали кипятку, в миске, по утрам. В 6 утра уже раздают кипяток и пайку хлеба и ждёшь эти 6 утра просто с таким нетерпением, за ночь-то уже думаешь-думаешь, скорее бы эти 6 часов подошли. И наконец-то, когда открывается кормушка, и тебе дают пайку хлеба, а потом дают в миске воды, вот этого кипятка, то скорее стараешься пить пока он ещё горячий, а ещё лучше, если даже нельзя держать в руках. Потому что и руки пока погреешь уже удовольствие. **А если ты присядешь в присядку (на корточки), немножко прислонишься к стенке, то и ноги можно погреть этой миской, колени, и она у тебя как печка. Так приятно.** А потом, когда уже можно пить... постараешься побыстрее выпить для того чтобы согрелось все внутри и тогда воистину наслаждение, особая приятность, особенное торжество так согрелась внутренность, так

приятно и благодаришь Бога: "Благодарю Тебя, что дождался утра и согрелась внутренность!" Хлеба я жевал конечно, старался так вот - отломишь кусочек и долго-долго-долго жуёшь, пока он вообще исчезнет, даже и не заметишь, как ты его и проглотил. Старался очень долго жевать. И хватало, слава Богу, хватало.

На обед та же картина, ну, когда давали супчик так на обед. Суп, конечно, давали не такой, какой дают в лагере. Хотя и в лагере стоит желать лучшего супа, но в ШИЗО* дают несравненно, конечно, хуже, вне всякого сравнения. Не всегда найдёшь даже одну картошину, а если найдешь парочку картошек, то это уже считается удачно тебе досталось. Так вообще, капуста бывает и вермишельку увидишь, но словом, ни жиринки, ничего.

Как-то в соседней камере Бура, когда я еще в Буре сидел, в соседней камере было в виде бунта такого, ну, может быть, нельзя назвать его бунт, ну, так приблизительно, вроде этого. Отказались кушать. Вся камера отказалась кушать. В чём дело? Пришёл начальник, а эти 5 человек, жители того Бура говорят: "Посмотрите какой нам обед дают, ведь с нас норму спрашивают!" Кстати Бур, те 5 человек, работали на сборке отдельных узлов комбайна, который изготавливается в Красноярске. И Красноярск заказывал отдельные узлы от их комбайна "Енисей". И в ШИЗО делали сборку отдельных узлов. И вот говорят, что вы нас совсем плохо кормите. Смотрите, кушать нечего. Ну норму-то вы нас спрашиваете. А Власов, так вот самодовольный говорит: "Я поставлю сюда Сенечика!" - это начальник режима, - "И он знает с вас спросить норму. Вы и без картошки, и без супа дадите норму, стоит только лишь его сюда прислать." Ну это совершенно понятно, он дубинку-то не отпускает, когда входит в ШИЗО. Так что намек совершенно был прозрачный. И в знак протеста они вскрыли себе вены, всех их определили после этого в ШИЗО, и с двумя или тремя из них, когда их раскидали по разным камерам, и я вместе с ними сидел. Но скажу, что для меня это очень тяжелое соседство, когда кто-то начнёт протестовать, будут договариваться: "Давайте сегодня пищу не принимать? Давайте вскроемся? Давайте..." Я им сразу же сказал: "Ребята! Вы живите своей жизнью, я же вас ни в чем не могу в этом поддержать. У меня своя жизнь, так что извиняйте, компанейским я с вами не буду. Так что ни в каких протестах я участвовать не буду." Случись я был бы в той камере и также я не принял бы пищу, то меня бы и судили по 70 статье как организатора бунтов. А так всё обошлось у них гладко, чинно, без всяких там судов. Дали каждому по пятнашки или по десять суток. Вот и всё.

Вопрос брата: Применял ли это Сенечик, начальник по режимной части, дубинку на твоих глазах? Ты был этому свидетель?

Михаил Иванович: Да, конечно. Бывало такое. Один говорит: "Почему меня хотят подстригать? Ведь за три месяца положено отпускать волосы. А мне через месяц освобождаться, даже через 20 дней. Почему меня хотят подстригать?" Он пожаловался начальнику режима. Начальник режима вывел его в коридор, закрыл только лишь одну дверь, решетчатую, а основную, глухую дверь он не закрыл. Поставил его спиною к нам, то есть руками и лицом к стенке, напротив наших дверей. К противоположной стенке поставил его лицом. Руками он упёрся в стену. И принёс приказ, где говорится, что в целях санбытовых в ШИЗО всех подстригать необходимо. Смысл, примерно, такой. И обращается к нему: "Ты понял, на основании чего подстригать тебя нужно?!". Тот хотел еще что-то сказать, и тот с силой ударил его по спине у нас на глазах. Тот, к слову, отскочил,

стал руками обороняться, чтобы дубинкой его больше не били.

- А! Ты еще сопротивляешься? Ну, за сопротивление тогда получай.

И повели его в другую камеру. Говорят, там били его, но я уже не видал. Ну вот, пожалуйста, как пример. Он получил дубинку буквально у всех на глазах и даже и дверь не закрывали. Чтобы мы видели это. Наверное удар был для профилактики по отношению ко всем, чтобы никто никогда не перечил Сенечику.

Видел и другого. Он из Тбилиси сам. Русский, правда, не грузин, нет. Его буквально перед. моим уездом из "девятки" привезли. Меня вывели в коридор для обыска, и у меня на глаза буквально в двух метрах от меня Сенечик избивал его дубинкой, нашёл у него гвоздь заточенный, может быть для каких-то целей, может быть и для плохих целей, но не важно. Я, например, всегда утверждал так: "Вы не имеете права избивать при мне, считайте нужным наказывать, наказывайте так, чтобы я не видел" Это я всегда и им заявлял, что вы таким образом терроризируете меня, когда избиваете у меня на глазах, или же одеваете смирительную рубашку в соседней камере, а двери держите открытыми, чтобы слышать стон и крик от боли, причиняемый тому, кому оделась смирительная рубашка и так далее. Словом, насилие, когда делается на показ, это уже террор.

Конечно, писем я не получал из дома за все 100 дней. Но однажды и без письма я понял, что проявляет семья обо мне беспокойство. Помню, это было числа, наверное, 12 сентября. Я находился в это время в "африканке". Нас там было несколько человек. Человек пять или шесть. Открылась первая дверь, то есть глухая дверь, в камере две двери, остался решетчатая дверь. Сенечик заглянул в эту решётку и говорит: "О! Да вы ещё не встали у стенки!" Пока открывалась дверь решетчатая, все подошли к стенке и встали, как это обычно всегда делается. Он вошёл в камеру и, так как не я был дежурный, с другим дежурным он разговаривал и выяснял почему не все к стенке встали. Ну и наказал он только лишь меня.

- Так вот, Хорев! Выбирай себе какое наказание. Ладно, ни ШИЗО дадим тебе...

А мне, кстати, через 3 дня уже освобождаться. 15 суток истекало.

- Мы тебя лишим личным свидания!

И был оформлен акт. И лишили личным... Нет, простите. Не личным, а общим свиданиям. Личным мне было не положено. Таким образом, я сразу же понял, что ко мне приехали, кто-то на свидание, и он поторопился, и приход его был посвящён специально, чтобы лишить меня свидания.

"Благодарение Богу" - думал я, хоть я через это узнал, что узнали о моих обстоятельствах и решили посетить меня, приехав на общее свидание. И я поблагодарил Бога. Я не ошибся, оказалось это действительно так.

Через 3 дня, когда я освободился, мне дали передачу, мне была положена передача, и я таким образом узнал, что действительно ко мне приезжали. Но освободился я буквально на три дня. И передачу, которую я получал, по существу, она так и осталась для других. Я так её и отдал. Потому что и масло, и другие продукты - 5 килограмм, которые передали. Ясно, что я не мог

кушать (ведь был) истощенный организм. Я чуть-чуть только лишь мог употребить жиров каких-либо, а остальное другие ели, потому что через три дня после пребывания в жилой зоне меня опять вызывает один из работников режимной части, снимает с меня шапку, рвёт подкладку и высыпает как бы на стол содержимое. Я смотрю вдруг падает завернутые в комочек 10 рублей.

- А! Вот! Ты деньги имеешь?!

Я вначале не понял откуда же могут быть деньги. Потом понял просто между пальцев у него зажаты были эти 10 рублей. Вот он их и выбросил, в тот момент, когда вытряхал шапку. И составляет на меня акт и обратно меня в "африканку". Я немножко передышку уже сделал, мне уже было полегче. Но вся беда в том, что когда меня привели в "африканку", уже открывая дверь, я говорю:

- Начальник! Может быть в другую камеру?

Я же знаю, что другие камеры-то полегче. Всё-таки не много не мало, а 100 дней уже пробыл в этом заведении в ШИЗО, уже знал многие камеры какие.

- Нет, Нет! Мне велели только сюда тебе сажать.

- Тогда всё понятно, начальник, значит здесь прямой умысел есть.

Итак я вновь в "африканке". И опять бессонные ночи, усилились прохладные ночи у меня. Уже ночью было ноль, а то и за минусом. Сильным холодом несло, сквозняк в камере. Никто не помышлял о том, чтобы застеклить окошко. И день за днём, день за днём, ну дали мне 8 суток дали мне. И я с большими трудностями провёл эти 8 суток.

Бывало даже так, что хочешь помолиться и совершенно не можешь. Хочешь помолиться и думаешь: "Ладно, сосредоточиться тяжело там вот по темам молиться о ком-то. Дай-ка я хоть молитву Отче наш совершу. Помолюсь." Я в детстве любил, приучен родителями этой молитвой молиться. Но "Отче наш, сущий на небесах...", и дальше никак не мог вспомнить, какие же дальше слова. Я понимаю, что я хорошо должен знать эти слова, но совершенно не мог вспомнить, как дальше идут слова, что дальше произносить надо. Я снова пробовал и снова пробовал, думаю, неужели уж так действительно притупился мой разум? Я даже немножко себя испугался, когда не мог вспомнить подряд имён своих детей. Настолько притупляется разум в бессонных ночах и в холоде постоянном. Как-то думаю, что сколько можно так бороться? Так я понимал, что опять мне добавят, опять продлят ШИЗО, опять неизвестно, когда из этой "африканки" выберусь. И решил, думаю, наверное, я уже сейчас перестану бороться, перестану массажировать себя, перестанут сопротивляться и так пусть пойду уже я на покой. Вы знаете, когда утопающий борются, и когда устанет уже обессиленный прекращают борьбу и уже смиряется с тем, что пойдет на дно. Вот нечто подобное и здесь произошло. Думаю, что сейчас я совершу последнюю молитву и лягу здесь и засну крепко. И я значит, что я не проснусь при любом холод, а это значит, что я больше не встану. Когда я засыпал из-за боязни, что я могу крепко заснуть, всегда своё тело так ставил, чтобы мне неудобно было, чтобы я долго в этом положении не находился. И поэтому ясно, что долго спать я никак не мог. Ну, а здесь решил, что бороться уже хватит, достаточно. И думаю, о чём я сейчас буду молиться? Начинаю перечислять. Сейчас помолюсь о доме своём, о Церкви. О ком уж конкретно? Вспомнил несколько имен.

Дальше помолюсь за дело Божие, помолюсь... Трудновато было думать о чём мне молиться. А потом выскажу свою готовность, свои желания, думаю, а чем же я закончу молиться. Наверное, надо сказать: "Господи! Впрочем, не моя воля, но Твоя да будет!" Думаю, если я так скажу, значит я перечеркну всю мою молитву, сказанную до этого. И тогда уж что получается? Может и не осуществится моё желание? "Нет, Господи! А может быть мне не надо говорить, да будет воля твоя?" И как-то даже страшновато стало. И думаю, что же со мной происходит? Я никогда не боялось сказать: "Господи! Да будет воля Твоя!" А теперь вдруг страшно. Что бы это значило? Я как бы испугался самого себя. Я даже как-то привстал, как-то даже голова просветлела сразу, думаю: "Что бы это значило?" И тут у меня такой внутренний голос. Я хочу сразу же подчеркнуть, что никакой галлюцинации не было, никаких звуков ушами не слышал, но внутренний голос такой. Такой четкий:

- Три молитвы перед тобой и какой хочешь такой помолись.

Первая молитва: "Господи, я устал уже. Выведи меня на свободу. Хватит мне скитаться".

Всё! Господь выведет тебя на свободу. И больше ты сидеть не будешь.

Вторая молитва: "Господи! Я уже устал скитаться, возьми меня к Себе".

И сегодня же Господь тебя возьмет к Себе. И решён будет твой вопрос. Но только лишь скажи вот так, вот этой молитвой помолись. И пойдёшь в Царство Небесное.

И третья молитва: "Господи! Я не знаю о чем просить Тебя просить. Соверши над мной волю Свою". И всё! И никаких забот больше, чтобы у тебя не было.

Думаю, какой же молитвой мне помолиться-то? Первая молитва хорошая – пойти на свободу. Но неужели цель моя была, когда я шёл в заключение, лишь бы выйти на свободу? Зачем же я тогда шёл сюда? Мне даже стало стыдно самого себя, что такая мысль даже могла бы прийти ко мне. Нет! Такой молитвой молиться я не могу. "Господи, возьми меня к Себе?" Конечно, сама мысль о том, что можно отдохнуть от всех лишений, трудностей и перейти в вечные обители, встретиться со всеми святыми на небе. Это, конечно, очень приятно. Но оставить по своему выбору, по своей просьбе дело Божие и поспешить скорее на отдых, когда столько труда здесь на земле, в Церкви Христовой? Нет! И эта не подходит, тем более если бы не было выбора между первым и вторым, а если бы не было третьей темы, третьей молитвы то, конечно, выбор бы я сделал на чём-то из двух, но так как была третья молитва, она, конечно, меня привлекала к себе. Хотя вначале были внутренние протесты, но Господь и это дал победить. Эта молитва: «Господи, да будет воля Твоя! Не могу даже знать Твою волю, что Ты хочешь сделать с рабом Твоим, но соверши волю Свою. Господи! Помоги мне победить самого себя и чтобы Ты торжествовал вовеки веков!" И, когда я принял решение совершить именно такую молитву и я это сделал, преклонив колени, то здесь уже я торжествовал и праздновал великую победу.

Так понимаю, что даже в день своего бракосочетания я так не торжествовал, как в ту ночь, часа два ночи, наверное, было, когда я одержал победу. Благодарение Богу. И когда совершил эту молитву и радовался, даже сейчас не помню, какой-то псалом я пел. Я не помню, какой я первый псалом пел, но хорошо помню псалом, который пел я в ту ночь:

О, нет, никто во всей вселенной

Свободы верных не лишит,

Пусть плоть боится цепи тленной

И пусть тюрьма ее страшит!

Но мысли, тьмой порабощенной,

Сам Бог любви свободу дал,

И цепи ей, освобожденной,

Доныне мир не отковал!

Песнь возрождения № 572. Куплет 1.

Вы знаете, я с таким торжеством, с таким трепетом пел все три куплета этого псалма.

Потом я решил присесть на своё прежнее место, на возвышенность около туалета, и почувствовал, что теплом повеяло от стенки. Я встал на уровне груди, а там была батарея. Четыре небольших трубы. Я потрогал, она была горячей. Хоть отопительный сезон еще не начался, но готовили оказывается отопительную систему уже подключать к постоянному пользованию, на зимний период. А здесь решили проверить систему. Ведь для меня сейчас даже и удивительно, что эту проверку делали в два часа ночи. И часа на два, на три включали, потом она постепенно остывала и стала холодной, как и обычно.

Я благодарил Бога. Прижался к этой батареи и думаю: "Господи милостивый! Какую Ты любовь и заботу оказываешь! Это тепло, которое появилось это как знамение для меня, что Ты так просто и так быстро отвечаешь на мои запросы, мои нужды".

25 сентября меня освободили и я жил в жилой зоне, можно сказать, спокойно. Кончался октябрь. С корреспонденцией очень жёстко со мной поступали. Писем я почти не получал, больше ни от кого, кроме только лишь своей семьи. И то скрупулёзно проверяли эти письма. Иногда даже и вызывали, и говорили, что такие-то письма там вот от вашей семьи мы пропустить вам не можем. Здесь какие-то иносказания, ну например Ев. от Матфея 5 глава, 12 стих. Так вот, Матф. - это сокращенно, это какие-то иероглифы, это что-то такое подозрительное. С письмами дело обстояло очень плохо. Даже мое письмо очень сильно контролировали и до минимума пришлось писать содержание писем. Об этом я уже касался, этих вопросов.

30 октября меня вызывает опять Сенечик, вызывает меня не просто по селектору, а вот таким образом. Входит прапорщик и старшина говорит:

- А где постель Хорева?

Показывает и поднимает шум прапорщик:

- В чём дело? Почему постель плохо заправлена?

Это на мою постель показывает. И за плохое содержание спального места пиши объяснительную записку.

Из ста коек нашёл одну мою койку. Среди многих помятых постелей, плохо заправленных, мою койку нашёл плохо заправленной. Хотя специально он и шёл к моей койке. Это повод для того, чтобы взять меня туда, в главный штаб. Сразу же Сенечик берет меня к себе в кабинет:

- Снимай правой ботинок!

Снимаю. Он вынимает стельку из ботинка, вытряхивает и опять 10 рублей получается на полу. Ясно, что он подкинул таким же образом, как и из шапки. Выкатились из пальца выброшенные эти 10 рублей. Между пальцами запрятаны были. И опять мне ШИЗО на 7 суток, потом добавили ещё 8 суток. И я понял, что, видимо, уже мне больше и не выходить из этой камеры. Но держали меня уже в первой или во второй камере, то есть в теплых камерах. Ну как теплых, по крайней мере, деревянные нары, а это уже многое, где можно, прижавшись друг ко другу спать. Там человек 9-10 лягут на эти сплошные нары и плотненько-плотненько друг ко другу лежат, и можно согреваться вполне. Хотя ни подушки, ни одеяла, конечно, ни матраса не дадут. Но на голых нарах, на голом дереве не чувствуешь даже, что жестко лишь бы можно было где-то потеплее к кому-то прижаться и заснуть. Кулак под голову и спишь.

Помню, во второй половине ноября меня вызвали в кабинет главного штаба, где прокурор объявил о том, что на меня возбуждается уголовное дело по 188 статье, значок 3, то есть как злостного нарушителя режима содержания. Статья была до трёх лет лишения свободы. Через 2-3 дня после этого, то есть в ближайший этап, меня отправили в тюрьму, я праздновал победу. Думаю: "Господи! Это ответ на мою молитву, когда я сказал Тебе, чтобы Ты совершил Свою волю. Ты меня повел по особому пути и благодарю Тебя, что Ты вывел меня из этой тесноты и повел на новые обстоятельства, чтобы имя Твоё славилось. Только лишь об этом и прошу Тебя!"

Словом, я доволен был. Изменились обстоятельства. Всё-таки теперь, думаю, будет немножко полегче. Откровенно уж если сказать, то, конечно, усталость давала о себе знать. Следствие ввели по двум статьям. Первая статья, я уже сказал, 188-я, значок 3, как злостный нарушитель режима содержания. И вторая статья, 190-я прим., то есть клевета на советскую действительность. В чём выражалась клевета на советскую действительность? Оказывается, что вся моя клевета на советскую действительность заключалась в том, что я объяснял осужденным, когда они меня спрашивали, за что же тебя судили. Я объяснял, за что меня судили, и делал вывод, что с решением суда я не согласен. И поэтому они сделали такой вывод, если считаешь, что советский суд тебя осудил неправильно, то это клевета на советскую действительность. В конституционном порядке утверждено решение суда, значит ты клевещешь на советский суд. Не может советский суд выносить неправильное решение. Суть такова.

При закрытии дела, решили эту статью, 190 прим., закрыть и убрать. С меня сняли эту статью и решили ограничиться только лишь одной статьей 188. И следователь говорит: "Достаточно тебе одной статьи. Всё равно до трех лет и та статья, и эта статья в совокупности так оно и останется - три года. Так что достаточно тебе одной статьи"

Следствие было быстрым, спокойным. И я скажу вам, в тюрьме я просто отдохнул. Отдохнул физически, отдохнул духовно. Благодарю Бога моего, за заботу и со стороны моих родных, моей

семьи. Приезжали, интересовались, искали всякие пути для того, чтобы оказать помощь. И для меня была важна не только лишь сама помощь, особенно было приятно получить 5 декабря передачу от моей жены. И я не так внимательно рассматривал сало или другие продукты, которые были переданы в передаче, а торжествовал о том, что жена нашла меня. Нашла через две недели после моего помещения в следственный изолятор, в тюрьму. И благодарил Бога, что вновь я под вниманием семьи и незатаренный среди всех прочих. Сердечно благодарил Господа. Это особое внимание, особая честь.

Ну что сказать о суде? Рассказать ничего особенного о суде и говорить нечего. Скажу только лишь, что судили меня в кабинете начальника лагеря "девятки", где я и находился. Аудитория была такая, собрали офицеров, даже ни одного прапорщика не было, начальников отряда, начальников различных служб, частей, в общем полный кабинет был офицеров. Я уже узнал, что у ворот лагеря со стороны воли были мои родные, жена, сын. Пришли друзья, с некоторых мест приехали. Омские братья и сестры, члены Церкви. Много народа собралось. Ведь меня судили 28 января. А это значит, в тот день я должен был освобождаться. И в день освобождения решался вопрос, или меня в этот день должны освободить, или же добавить новый срок.

Что-то интересного о суде сказать нечего. Для проформы только лишь этот суд был. Например, стандартные вопросы судьи:

- Когда вы получили обвинительное заключение?

- Тогда-то.

- 7 дней прошло после вручения вам обвинительного заключения?

- Да, прошли! Но я не имел возможность пользоваться этим обвинительным заключением. У меня отобрали лупу, и я не могу читать обвинительные заключения. А адвоката мне не давали, который бы мог прочитать. Больше того, сейчас меня содержали 4 дня до суда здесь в ШИЗО. Привезли почему-то из тюрьмы и на "девятке" содержали меня. И отобрали у меня буквально всё, в том числе и обвинительные заключения. А я же в течение этих семи дней должен был знакомиться с обвинительным заключением. И нет лупы у меня. Как я мог читать?

- Вам кто-то мог читать? Пусть сосед вам прочитает!

- Да, но они не обязаны читать. Вы должны мне создать условия, чтобы я мог познакомиться.

Они посовещались на месте.

- Считаем, не обоснованные причины для отложения суда, суд должен состояться. Вы при желании могли всегда прочитать обвинительное заключение, тем более оно маленькое.

- Но это же нарушается процессуальный кодекс?!

- Вам слова не давали!

Таким образом, на каждое моё возражение не обращали никакого внимания. Когда начался суд, то я попросил, чтобы включили еще трёх свидетелей, которые могли бы подтвердить, что никакого нарушения режима содержания у меня и не было за 15 июня. Суд не счёл нужным этих

людей пригласить на суд. И в то же время суд предложил еще замполита лагеря пригласить на суд. С единственным вопросом:

- Способствовала ли беседа 15 июня для перевоспитания заключенных, способствовали ли беседа Хорева для перевоспитания осужденных 15 июня 1984 года?

Замполит сказал:

- Конечно, нет! Конечно, нет! Она могла только лишь способствовать разрушению атеистических взглядов, но никак не их взглядов таких вот в целях перевоспитания.

Но я конечно сказал, что меня никто и не ставил быть воспитателем заключенных. Они же и убийцы, и воры, и грабители, и кто угодно, и за алименты сидящие. И я, конечно, готов содействовать их перевоспитанию, но за это же не должны меня к уголовной ответственности привлекать, если я не сумел их перевоспитать.

Но это ненужные разговоры. У них уже решение было вынесено и дали мне два года и один месяц подведя к 19 декабря 1986 года день моего освобождения. И я обратил внимание, что так вот подгадали, что освобождение мне ровно в день моего рождения 55-летия и я заранее поблагодарил Господа за тот день, когда я встречусь с Церковью, с семьёй и знал, что Господь нигде не ошибается и предусмотрел день моего освобождения заранее, заблаговременно.

Когда я вновь был приведён в камеру одиночку, никак я не сетовал на свою судьбу. Я глубоко и сердечно поблагодарил Господа за такую прекрасную участь христианина, который, последовав за Господом, не озирается назад, простирается вперёд, смотря на своего Учителя, Который совершил жертвенный подвиг во имя спасения его души. Я только лишь просил о том, чтобы Церковь ободрилась моими обстоятельствами. И чтобы эта жертва, которая принята мной была сегодня, она ободрила народ Божий воодушевила бы на новые подвиги в имя Господа Иисуса Христа. Чтобы молодежь имела бы те маяки, по которым она могла бы ориентироваться в следовании за Господом.

Была моя молитва после суда: "Пусть Господь благословит мои дальнейшие странствования".

*ШИЗО - штрафной изолятор.

Комментарии
